

Пожалуй, своим относительным успехом на референдуме «всемирно избранный» президент должен быть более всего благодарен слушателям муз. Не проходило дня без выступлений известных из известнейших мастеров слова, сцены и экрана с агитацией за Ельцина. Апогеем стало появление в телепередаче «Общественное мнение» 22 апреля Людмилы Зыкиной, Олега Табакова, Александра Абдулова, Веры Васильевой, Беллы Ахмадулиной...

Расставаться с иллюзиями всегда больно и горько. Душа саднит, ноет, а я не понимаю, не могу понять, почему те, кого действительно вырастила Советская власть, кому дала все, при первых же испытаниях отреклись, оболгали, предали... Во все времена истинная интеллигенция противостояла тирании. Вспомните Пушкина, Лермонтова, Некрасова...

Вспомните Михаила Кольцова, Эрнста Хемингуэя, сражавшихся в Испании против фашизма, на стороне республиканцев... А нынешняя — рьяно кинулась в услужение. Истинная интеллигенция всегда была в оппозиции диктатуре. Эта — с подобострастием восхваляет ее. Поистине мир перевернулся...

...Выступает по телевизору один из модных ныне певцов, рассказывает, что любит не советские, а народные песни. Да и вообще, это бред — советской песни как таковой не было. Как не было? А «Темная ночь», а «Соловьи», «Подмосковные вечера», «Марш веселых ребят», «В лесу прифронтовом», «Любимый город», «Комсомольцы-добровольцы», «Смуглянка», «Землянка», «На закате ходит парень», «Надежда»... Я могла бы привести тысячи и тысячи именно наших, советских песен, которые пела, да и сейчас еще поет вся страна. Наши, советские, песни становились не просто событием. Такие из них, как «Вставай, страна огромная» или «День Победы», — неотъемлемая часть жизни народа, песенное выражение его души, сокровенных надежд, святынь и идеалов.

Ну не нравятся тебе советские песни — никто не волит, не пой. Но зачем же лгать, да еще с экрана телевизора?

Недавно многим из нас новой гранью открылся Александр Градский, когда в «Пресс-клубе» на встрече с бывшими узниками «Матросской Тишины» он потребовал, чтобы один из участников, гнусно оскорбивший гзачепислов, немедленно покинул зал. Это был поступок, достойный восхищения. Тем более, что Градского трудно заподозрить в симпатиях к коммунистам. Просто он поступил как честный человек. А через несколько дней в программе «Утро» — ушам своим не верю! — он же вдруг одарил телезрителей «открытием», будто на советской эстраде запрещалось петь тенором, чтобы выразить мужественность советского человека, требовались исключительно баритоны и басы или безоглядные оптимисты типа Эдуарда Хила. Не понимаю, зачем известному уважаемому певцу и композитору опускаться до такой дешевки, причем легко опровергаемой? Любимый мальчик знакомый с вокальным искусством знает, сколь редко среди певцов встречаются теноры. Они и во всем мире наперечет: великий Карузо, Марио дель

Моноко, Сергей Лемешев, Иван Козловский... Рождение тенора всегда было событием, этот редкий талант советское государство лелеяло, холило и берегло пуще собственного глаза: таланты были всемирным достоянием. Их усиленно искали, а найдя, поддерживали всем миром, любовно гранили, как гранит изделие тонкой работы ювелирных дел мастеров. В свое время выдающийся украинский тенор Анатолий Соловьяненко, казахский тенор Алибек Днишев, как и баритон Муслим Магомаев и другие певцы, проходили стажировку в знаменитом

но совестливый Федя Протасов в «Живом труппе»... Мне всегда казалось, что соприкосновение с героической, патристической темой не может пройти для актера бесследно. И было радостно, читая книгу Алексея Баталова «Судьба и ремесло», находить подтверждение своим догадкам.

«...Мы читали книги и ходили в кино, очень искренне и открыто восхищаясь чем-то, но не всегда, между прочим, преломляя героев фильмов и книг на себя. Бывают такие моменты в истории, когда реальная действительность потрясает сильнее, чем впечат-

ло бесконечности... Даже многократно обруганные, наивные «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Кубанские казаки», «Машенька» стоят несравненно выше всех этих «Интердевочек» и «Воров в законе», ибо многие десятилетия несли и несут добрый свет любви, красоты и духовности.

Но, похоже, иные хулителю все же чувствуют некое неудобство перед согражданами, а может, и некий внутренний дискомфорт. Народная артистка СССР, актриса Театра сатиры Вера Васильева на той встрече даже по-

касаются... Ну как может не касаться жизнь и судьба Родины? «Я не пойду голосовать, потому что мне страшно». Может быть, и страшно, но только не от тех людей, которые зовут вперед. Они не агрессивны, ведь не совершенно ни одного плохого или какого-то агрессивного поступка, а со стороны людей, которые призывают к прежнему, много есть страшного.

Слушая Веру Кузьминичну, я искренне ей сочувствовала. Вы говорите, этой властью «не совершено ни одного плохого поступка». Боже праведный, да не в пустыне же вы живете! Вы что, в са-

знаете ли вы, что при Советской власти моя мама...

У меня похолодели ноги. Что, что случилось с мамой Олега Павловича при социализме и Советской власти? Неужто для того, чтобы дать своему сыну блестящее театральное образование, она стояла в переходе метро с протянутой рукой, как стоят сейчас, в пору капитализации, тысячи матерей по всей России? А может, ей в поисках заработка пришлось быть домработницей у какого-нибудь гнусного секретаря обкома, чтобы отправить сына в пионерский лагерь на лето? Да нет, вроде ни к чему, обучение в школе и институте было бесплатным. Так что же, что? И тут я услышала:

«...моя мама работала рентгенологом, на полторы ставки, уходила в восемь утра и возвращалась в восемь вечера!» Да-а... «Пострадал» от Советской власти и сам маэстро: когда стал работать за границей, государство сильно его грабило, забирая себе часть заработной платы.

Слушала я маститого режиссера, вспоминала весь его в общем-то безоблачный, по сравнению с нынешним беспределом, путь, а перед глазами стоял тот давний мальчик из «современниковского» спектакля «В шумный день», что бросался с дедовой шашкой на сытое полированное мещанское благополучие, защищая идеалы революции. От кого? Не от будущей ли пятой колонны? Он, тот юный табакосовый герой, оказался куда прозорливее своего создателя...

...А на телеэкране тем временем эстафету принял еще один «обиженный» Советской властью и социализмом любитель публики. Он уговаривал сидящих в зале: «Не надо бояться. Столько лет болелись». Подумалось: такой молодой, и когда успел? А он все уговаривал: «Давайте по капле выдавливать из себя раба. Давайте! Уже хватит!» А чуть позже он с пафосом начал антировать са-

ную президентскую власть, за президентскую республику, где, надо полагать, процесс «выдавливания раба» завершится окончательно и бесповоротно. И снова в который раз на глазах происходило загадочное превращение странствующего рыцаря Ланцелота. Помните, в фильме «Дракон» Ланцелот — Абдулов призывает жителей города убить дракона в себе самом и думать, думать... «Думать можно — трудно, непривычно, но можно. Надо только начать». Но вот, убив дракона и избавив людей от извечного рабства, он на глазах освобожденных сам начинает превращаться в... дракона. И они понимают: зима будет долгой, надо подготовиться...

Но поразительно: на киноэкране герой Абдулова спасает людей от тирана, а с телеэкрана актер Абдулов зовет своих современников поддержать притязания к авторитаризму, суть которого диктатура. Невероятно! Что это, очередное превращение Ланцелота?...

Нет, господа, не получается у вас «выдавливания раба». Быстренько же вы нашли себе нового патрона, и вот уже соревнуетесь друг с другом в выражении верно подданных чувств и цветистости восторженных эпитетов. Смотрите на эти состязания приворных лстыцов неловко, грустно. А вам?...

Сов. Россия. — 1993. — 30 апр. — с. 5. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЛАНЦЕЛОТА

миланском театре «Ла Скала». Естественно, за счет нашего, советского государства. Я далеко не уверена, что они могли бы позволить себе это сегодня, в эпоху «разгула демократии» и ельцинской капитализации страны. И еще характерный штрих. Многие из тех деятелей культуры, что с рабской угодливостью сразу же кинулись прислуживаться антинародному режиму, пытаются оправдать себя, начинают выдумывать жуткие байки о том, как при проклятой Советской власти их «зажимали», «преследовали», «не пустили»...

Народный артист СССР, лауреат многих премий, известный актер театра и кино, профессор, режиссер... Наверное, я перечислила не все из того, что получил при Советской власти, безусловно, благодаря своему таланту и труду, Алексей Баталов. Кажется, было все — любимые роли, широчайшие возможности пробовать себя в разных ипостасях, была слава, признание, любовь народа. А какие образы созданы! Павел Власов в фильме Марка Донского «Мать», ученый-физик Гусев в фильме Михаила Ромма «Девять дней одного года», короткая, почти эпизодическая роль Бориса в фильме Калатозова «Летят журавли», бесконеч-

ление от искусства, — и тогда было как раз такое время...

Это — Баталов, и сомневаться в искренности этих строк оснований нет. Но вот недавно, предвзято ретро-спективный показ по телевидению картины «Летят журавли», он вдруг в духе «новой традиции» обрушился на прошлое. И выходу на экран этого фильма власти препятствовали, и были ругательные рецензии, и признали-то фильм не сразу... Грустно было слушать все это. Зачем ему, талантливому и независимому, опускаться до уровня тысяч бесталанных, коих кормит угодничество властью? И мне все хотелось задать вопрос: «А сейчас, в эпоху невиданной прежде «творческой свободы», вы смогли бы, Алексей Владимирович, создать такие фильмы, как в то наше советское время? Что-то не видно обещанного ренессанса и пока что «свободным художникам» не удалось создать ни одного шедевра, подобного «Броненосцу «Потемкин» Эйзенштейна, «Коммунисту» Райзмана, «Королю Лиру» и «Гамлету» Козинцева, «Любви земной» Матвеева, «Калины красной» Шукшина... Я называю наугад, первые попавшиеся, перечень лучших советских фильмов можно продолжать

пыталась как-то смикшировать неприятное впечатление у телезрителей, объясниться с ними.

Настолько трудный, переломный период в истории нашей Родины, когда психологически кто-то не готов к этим переменам и поэтому, может быть, люди удивляются, что деятели искусства, литературы, интеллигенция очень категорически и, мне кажется, единодушно поддерживают и президента, и реформы, — со своей знакомой обаятельной улыбкой говорила она. — Потому что нам хочется, чтобы наша страна жила, как весь мир живет — цивилизованно, культурно и чтобы мы не были отсталыми, понимаете? И в то же время я вижу людей, которые очень страдают от того, что у них отнята та вера и они еще не приобрели новой веры, а это дело разъяснения... ну, и с нашей стороны, и со стороны политиков, чтобы было понятно, к чему мы идем.

И актриса «разъясняет»: — А идем мы, во-первых, к тому, чтобы мы разумно жили, чтобы мы жили культурно, чтобы люди работали и были бы не иждивенцами на своей работе, как это у нас часто бывает. Поэтому мне кажется, что сейчас, когда вот я смотрю, допустим, такие ответы «Меня это не

мом деле ничего не слышали о беловежском сговоре, о развале великой державы, о миллионах беженцев из горнячих точек и десятках миллионов соотечественников из «ближнего зарубежья», преданных Ельциным, о сотнях тысяч погибших в Приднестровье, Карабахе, Осетии, Ингушетии, Абхазии? И их пепел не стучит в ваше сердце, ослепленное «колоссальной силой» президента? Ведь вы так и сказали в той передаче:

— Как человек, имеющий имя веры, хочу, чтобы люди верили, что идем мы к лучшему, надо только потерпеть. И призываю всех обязательно прийти на референдум, и лично я буду голосовать, конечно, за президента, который, мне кажется, имеет ко-лос-сальную силу только потому, что он хочет вытянуть Россию из очень тяжелого положения к лучшему...

«Ни одного плохого или какого-то агрессивного поступка», говорите вы. Но неужто вы не слышали и не видели, как 23 февраля 1992 года на Тверской, в двух шагах от вашего театра, по приказу властей омоновцы избивали ветеранов Великой Отечественной, шедших поклониться могиле Неизвестного солдата? И о кровавом разгроме пикета в Останкине 22 июня 1992 года в 4.30 утра вы, конечно, тоже ничего не слышали? И о том, что в прошлом году в России на 200 тысяч человек умерло больше, чем родилось, и что 60 тысяч человек добровольно ушли из жизни, не вынеся нечеловеческих условий жизни и маразма, в котором оказалась Россия? И еще о многом другом, о чем не может не скорбеть душевно обыкновенный честный и порядочный человек, вы, разумеется, не ведаете...

Но зато уверены, что, «со стороны людей, которые призывают к прежнему, много страшного». Где вы видели людей, которые «призывают к прежнему»? Они если и существуют, то только в воображении горячо любимого вами президента, который выдумывает все новых и новых врагов, дабы свалить на них все беды, ошибки и собственное неумение управлять страной. Или вы тоже хотите нас уверить, что в прошлом все было только плохо, только страшно, как пытался это сделать на той же встрече прекрасный и талантливый Олег Табаков? Помните, с каким трагизмом в голосе и позе он сказал: «Да